

COMPARATIVE STUDIES: WORLDVIEW AND RESEARCH

DOI 10.15826/qr.2022.5.756

УДК 94(410)"16/17" + 94(470)"16/17" + 316.7 + 316.344.32 + 316.347 + 140.8

Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен*

Лорина Репина

¹Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Вероника Высокова

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition**

Lorina Repina

¹Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Veronika Vysokova

Larisa Soboleva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to a comparative analysis of the cognitive-rhetorical strategies of prominent British and Russian intellectuals in the context of the systemic crisis of the “era of transition” and in the process of the formation of

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** *Citation*: Repina, L., Vysokova, V., Soboleva, L. (2022). Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 5. P. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756

Цитирование: Репина Л., Высокова В., Соболева Л. Ideas and Values: Britain and Russia in an Era of Transition // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 5. P. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756 / Репина Л., Высокова В., Соболева Л. Идеи и ценности: Британия и Россия в эпоху перемен // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1708–1723. DOI 10.15826/qr.2022.5.756.

cultural/imperial/national identities in Britain and Russia in the seventeenth and eighteenth centuries. The authors focus on identifying a semantic shift in the cultural code of the emerging British and Russian identities based on the material of polemical works, sermons, and travelogues of the seventeenth and eighteenth centuries. The authors employ the historical-comparative approach. It helps reveal the “golden ratio” of the cultural code, i. e. a value scale that undergoes cardinal changes in a tense intellectual discourse in a situation of the collapse of the universal picture of the world and the formation of new ideas about man, society, and the state. The study demonstrates an affinity between the logic of change and the dramatic collisions that accompanied the thinkers in the transition. Nor do the authors seek to smooth over the contradictions in contemporary historiography by offering their vision of the era.

Keywords: Britain, Russia, cultural code, identity, intellectuals, secular culture, semantic shift, comparative approach

Статья посвящена сопоставительному анализу когнитивно-риторических стратегий выдающихся британских и русских интеллектуалов в условиях системного кризиса «переходной эпохи» в процессе формирования культурной/имперской/национальной идентичности в Британии и России XVII–XVIII вв. Авторы сосредоточены на выявлении семантического сдвига в культурном коде формировавшихся британской и русской идентичностей на материале полемических трудов, проповедей и травелогов XVII–XVIII вв. Историко-компаративный подход, предлагаемый авторами, выявляет в качестве «золотого сечения» культурного кода ценностную шкалу, которая претерпевает в напряженном интеллектуальном дискурсе кардинальные изменения в ситуации распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве. Исследование демонстрирует известную близость логики изменений и драматические коллизии, сопровождающие мыслителей в переходное время. Авторы не стремятся сгладить противоречия в современной историографии темы, предлагая собственное видение эпохи.

Ключевые слова: Британия, Россия, культурный код, идентичность, интеллектуалы, светская культура, семантический сдвиг, компаративный анализ

В ситуации модификации и переосмысления западных либеральных ценностей в фокусе внимания современных исследователей вновь оказывается интеллектуальная культура переходной эпохи от Средневековья к Современности. Свообразие процесса перехода определялось территориально-государственными и цивилизационными особенностями, но общими для него были обмирщение культуры и формирование рационализма как системообразующего фактора западной цивилизации. Современная историография этих когнитивных процессов определяется как трансдисциплинарным подходом, так и «смещением исследовательского фокуса не просто

от “общего” к “частному” – к национальным и региональным особенностям, а стремлением зафиксировать специфическое проявление человеческих универсалий в различных культурах на основе историко-компаративного подхода» [«Культура духа», с. 5; Гуревич; Гринфельд; *The Enlightenment*]. Кроме того, в результате «культурного поворота» в социально-гуманитарных науках, когда практически любое актуальное историческое исследование становится исследованием о культуре [Barker; Bennett; Marchart], в фокусе оказываются социальные, политические и другие идентичности, (ре)продуцирующиеся в сфере культуры посредством власти [Куренной, с. 19]. Приметой времени стала коллаборация представителей самых разных областей гуманитарного знания в процессе формирования трансдисциплинарного [Репина, с. 25–60], или «постдисциплинарного» поля исследований [Дастон]. Эти тенденции проявились и в недавно вышедшей коллективной монографии «“Культура духа” vs “культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках» [«Культура духа»], в которой представлены результаты работы по одноименному исследовательскому проекту, поддержанному Российским научным фондом. Его логическим продолжением стал новый проект – «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

Предметное поле данного исследовательского проекта определяется «эпохой перемен» – XVII–XVIII вв. В этот период в событийной истории Британии и России усматривается немало сходного: Смута, принятие Соборного уложения 1649 г., курс на вестернизацию – в России; Великая смута, казнь короля Карла I Стюарта, курс на модернизацию – в Британии. Общеизвестно, что и Британия, и Россия в результате серии победоносных войн первой четверти XVIII в. достигли ранга «великих» держав. Интересны в этом ключе голландские корни модернизационной программы обоих государств. Однако не подлежит никакому сомнению – перед нами две разные культуры. Эпоха перемен для них задавалась «кризисом XVII века», дискуссия о котором в середине XX в. вовлекла в свою орбиту крупнейших исследователей западной историографии – Б. Ф. Поршнева, Р. Мунье, Х. Тревор-Ропера, А. Д. Люблинскую и др. Эта забытая на несколько десятилетий тема сегодня вернулась в отечественную историографию с неожиданной стороны – через осмысление российской истории, преимущественно предшествующей правлению Петра Великого [Кошелева].

Противоречивость современного историографического дискурса стимулировала последовательное выявление общего и особенно в практиках и инструментах влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации нараставшего распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве в XVII–XVIII вв. Совокупность текстов интеллектуалов, выступавших в качестве мыслителей-

проводников новых мировоззренческих установок и поведенческих моделей, была положена в основу исследовательской стратегии трансформационных процессов этого периода в Британии и России. Объектом исследовательского внимания стали дискурсивные практики переходной эпохи, работа мысли и артикулирование смыслов. В этой связи особое внимание было уделено стратегиям и тактикам интеллектуалов разного социального и образовательного статуса – от самоучек до монархов – в борьбе за утверждение авторитета их идей в обществе и за влияние на принятие властных решений. Важным направлением стало выявление и введение в научный оборот новых исторических источников различного генезиса и жанра.

Исследование парадигмального сдвига от средневекового «человека Бога» к «человеку Мира», с одной стороны, задавалось темпоральным историко-когнитивным сравнением развития Британии и России XVII–XVIII вв., с другой – в поле зрения оказывались специфические особенности интеллектуальных проектов перехода от «культуры духа» к «культуре разума». В эвристическом плане показательным примером служит также своеобразный «перевод» (неизбежно сопровождаемый смысловыми сдвигами) ключевых понятий и идейных новаций европейского (западного) общественно-политического дискурса на русский политический язык в разножанровых текстах – в нормативных документах, философских трактатах, политических памфлетах и экономических проектах, исторических нарративах, научных отчетах и учебных книгах, в официальной и частной переписке, в художественной и нравоучительной литературе (прежде всего это проповеди, а также «советы», «руководства» и т. д.). Богатый материал обнаруживается в предметном поле общественного дискурса: это общественно-политические дискуссии XVII–XVIII вв., инструментарий обсуждения острых социальных проблем и формирования политического сознания, церковно-государственные отношения, ставшие важным пунктом общественной повестки дня во второй половине XVII – начале XVIII столетия, идеологические установки и интерпретации национального прошлого, представления о гражданственности и патриотизме, критика коммерциализации общества, обличение упадка морали и прогрессирующего роста преступности.

Было выявлено, что в менявшемся когнитивном поле «эпохи перемен» в Британии и России доминировали три магистральные темы дискурсивных практик – дискурс «нового политического порядка», развивавшийся на основе «имперского проекта» и «национальной идеи»; имперский дискурс и тесно связанное с ним развитие научной систематики; дискурс формирования новых морально-этических ценностей. В основу сопоставления в качестве исследовательского инструмента была положена идея поиска семантических пар терминов/понятий, которые циркулировали и обсуждались в английском

и русском обществе XVII–XVIII вв.¹ Выявляемая семантическая корреляция позволяет ставить вопрос о проявлении общего/универсального в интеллектуальном дискурсе двух культур.

Формирование «полицейского государства», или Левиафана, происходит в интеллектуальном поле Британии XVII в. В контексте длительной богословской и интеллектуальной полемики о сущности королевской власти рождается идея светского государства. Контекстуальный анализ этой эпохи показывает, что уже тогда такие современники Гоббса, как лорд Кларендон, Роберт Филмер, ясно осознали опасность сочинения «Левиафан» (1651). Однако исследование политических дискуссий конца XVII – начала XVIII в. показывает, что не Гоббс, Локк или Сидни, а Филмер был самым влиятельным политическим мыслителем того времени [Кенуон, р. 63]. Это наводит на мысль, что последующая вигская историография сформировала собственную «иконографию» либеральной идеологии, дав задним числом обоснование сложившемуся уже в конце XVIII – первой половине XIX в. порядку вещей. Важным историографическим выводом является то, что из этой интеллектуальной полемики выпадает англиканское священничество – интеллектуальная элита английского общества XVII в. [Young; Taylor] и, в частности, «неприсягнувшие» Вильгельму Оранскому священники. Следующий же XVIII в. войдет в историю Британии как эпоха «кровавых кодексов», или господства системы общего права, ставшего основой английского Левиафана.

Рождение «фискально-милитаризованного государства» в России оказалось тесным образом связано с завершением Тридцатилетней войны в Европе и противостоянием России и Польши, как хорошо известно, завершившимся вхождением Украины в состав Российского государства. «Именно с 1630-х годов российский административный аппарат претерпел существенные изменения в способах фискального принуждения и помог стать России, в отличие от Речи Посполитой, значимой силой в Восточной Европе» [Аракчеев, с. 204]. Эта тенденция определила перетекание южнорусской интеллектуальной элиты, прежде всего проповедников Киево-Могилянской школы, в Россию, распространение ее представлений о развитии научного знания, о церковном красноречии, разработанных в католической и протестантской конфессиях. Драматический кризис симфонии священства и царства второй половины XVII в. нашел свое разрешение в постепенной, но полной замене епископата русской церкви выходцами из Юго-Западной Руси на протяжении 1699–1718 гг. [«Культура духа», с. 403]. В сочинениях Симеона Полоцкого, Дмитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича и других авторов со всей очевидностью прорабатывается концепция глорификации царской власти и де-

¹ Например, русское «любовь к отечеству» соответствует английскому понятию *patriotism*, русское «общее благо» соотносится с нагруженным семантическим «дрейфом» английским концептом *commonwealth*, или идеей «общего благосостояния/ процветания», и т. д.

кларифицируется признание за государем статуса «епископа епископов» [Киселева; Корзо; Соболева, 2012, с. 158–172], что нашло свое логическое завершение в ликвидации патриаршества в 1721 г. В России это сопровождалось обострением конфликтов разного уровня, репрезентацию которых находим в риторических сочинениях противостоящих интеллектуальных сообществ. В последние годы правления Петра I в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг. окончательно оформится идея регулярного государства [Редин].

Победа светского государства на рубеже XVII–XVIII в. и в британском, и российском вариантах отвечала формирующейся повестке модернизации как внутреннего развития страны и поддержания в ней порядка, так и укрепления внешнеполитических позиций и расширения подвластных территорий. И в том, и в другом случае политика меркантилизма, направленная на аккумуляцию денежных ресурсов, стала основой модернизационной стратегии широкомасштабной программы преобразований посредством субсидий, контроля и протекционистских мер [Heckscher; Revisions in Mercantilism]. Принципиальное отличие здесь состоит в том, что в Британии «новый политический порядок» изыскивал средства через дельцов Лондонского Сити и торговые компании. Государственный долг, обслуживаемый частным банком – Банком Англии, стал характерной чертой экономики Британии XVIII в. В России же аккумуляция средств шла за счет внеэкономических форм принуждения и ужесточения фискального гнета.

Имперская идея в интеллектуальном дискурсе эпохи перемен становится ключевой как в Британии, так и в России. Сопоставительный анализ здесь был выстроен на таких продуктах интеллектуальной деятельности, как «карта» и «ботаническая иллюстрация», воплощающих новые представления о мире и властную стратегию *divisio et denominatio*. Географическая карта стала властным инструментом освоения/присвоения пространства. Речь идет о самой настоящей «картографической революции» [Karrow]. В сочинении «Общие и частные записки, касающиеся совершенного искусства навигации» (1577) Джона Ди, проводника идей Меркатора в Англии, математика и картографа, уже четко сформулирована идея колониальной экспансии Британии на морях [Шпак, с. 60–61; Sherman, p. 182–192]. Показательно, что Джон Ди стал одним из наставников и вдохновителей Московской компании, в результате деятельности которой была создана знаменитая карта Московии (оригинал опубликован в Лондоне около 1562 г.). Один из ее предполагаемых авторов К. Адамс [см. о нем: Mayers, p. 254] был известен как автор первых записок о Московии, выполненных со слов Р. Ченслера в 1554 г. [Mund, p. 355].

Несмотря на то, что формирование Российской империи чаще всего связывают с именем Петра I, активное расширение территорий Московского государства приходится все же на вторую половину

XVI – XVII в. – взятие Казанского и Астраханского ханств, присоединение Сибири (от Ермака Тимофеевича до Семена Дежнева). К концу XVII в. создаются реальные предпосылки для развития карт как точных графических моделей местности.

Ботаническая иллюстрация, ее эвристический потенциал находят свое раскрытие в ряде идей современного французского социолога и историка науки Бруно Латура. Его концепты «мыслительного центра» (*англ.* center of calculation) и «действия на расстоянии» (*англ.* acting at a distance) помогают понять развертывание имперского дискурса в XVII–XVIII вв., поскольку «действие на расстоянии» становится возможным на практике благодаря формированию структур, которые отвечают за сбор и транспортировку значимых данных от периферии к центру в процессе все возрастающего «цикла накопления» знаний. В сфере ботаники «цикл накопления» хорошо прослеживается на примере ботанического сада [Шипицына, с. 224]. Чем обширнее становится цикл накопления, тем крупнее масштаб структур, которые могут быть мобилизованы и использованы для будущих имперских амбиций центра, и тем сильнее властный дисбаланс между центром и периферией [Latour, p. 215–257]. Хотя Лондонское королевское общество (год основания 1662) и Императорская академия наук в Санкт-Петербурге (1724) были созданы по разным принципам (первое – наподобие частного клуба джентльменов по интересам, но получившее королевскую хартию, а значит, и покровительство короны; вторая была создана прямо под патронажем государства), они со сходной неизбежностью оказались встроены в структуры формировавшихся империй. Входящие в их состав ученые представляли собой наднациональную «республику ученых», тесно сплоченную культурой письма XVIII в. Картографирование и описание местности были главными целями больших академических экспедиций в России и трех кругосветных экспедиций Джеймса Кука в 1760–1770-х гг. Их участники собирали сведения о полезных ископаемых, флоре и фауне, о народах, населяющих открываемые территории. Таким образом, экспедиционная деятельность, коллекционирование и научные исследования стали ведущими стратегиями, позволявшими центру успешно действовать на расстоянии.

«Новый политический порядок» и формирование новой картины мира привели к пересмотру канона христианской морали. В напряженном интеллектуальном поиске как в Англии, так и в России формировалась система новых ценностей и представлений. Светский правитель постепенно превращался в единственный источник всей регулирующей власти и по умолчанию должен был обеспечивать религиозное руководство паствой и моральный контроль над ней. Одними из ключевых идей светского дискурса морально-этических ценностей стали идеи «общего блага», «служения отечеству», «жертвенности» ради него [Попович], а также

отхода от аскетического идеала созерцательной жизни². «Патриот» и, соответственно, «гражданин Отечества» станет идеалом эпохи Просвещения.

Обращение к истории понятий «патриот» и «патриотизм» в Британии XVIII в. позволяет говорить об их многозначности. Большинство интеллектуалов сходились в мнении о том, что патриота отличает такое качество, как любовь к своей стране. Пик дискуссии о ложном и истинном патриотизме в Британии пришелся на рубеж 60–70-х гг. XVIII в. Знаменитая фраза, приписываемая доктору Джонсону («патриотизм – последнее прибежище негодяя»), поднимала одну из ключевых проблем новой светской культуры – проблему лицемерия в новом коммерциализированном обществе. В семантическом пространстве русского языка и русской культуры XVIII в. понятие «патриотизм» начинает коррелироваться со словосочетанием «служение Отечеству» и персонифицироваться в образе монарха как «отца Отечества»³. Слово «патриот» становится адекватным словосочетанию «сын Отечества». В гражданском дискурсе идея всеобщего счастья и благоденствия как нового ценностного ориентира эпохи Просвещения и в Британии, и в России в значительной степени потеснила христианскую идею спасения души. Обретение спасенным человеком Царства Небесного, ключевое положение христианской сотериологии, окажется в сознании эпохи замененным «Царством Земным».

Редукция авторитета Библии в вопросах этики и формирование нового гражданского идеала сосредоточились в дискуссии о человеческих добродетелях. В Англии ответом на устанавливавшуюся религиозную веротерпимость стало возникновение на рубеже XVII–XVIII вв. моральной философии [Caldwell; Darwall; Stuart-Buttle]. Такие моралисты, как Фрэнсис Хатчисон, Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери и др., противостояли концепции «эгоистического человека» (например, в интерпретации Т. Гоббса) и формировали образ «добродетельного человека», стремясь дать новое объяснение феномена морали на светских основаниях [Стогова, с. 67–68]. Их представления о добре и зле, о правильном и неправильном, о хорошем и плохом выстраивались на основании рациональных умозаключений. Кроме того, это было также реакцией на резкое падение нравов в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. [Высокова, Дергачева, с. 275–279]. В лице моралистов мы имеем дело с так называемой естественной теологией, где разум понимался как инструмент «открытия» божественной природы человека и окружающего его мира. Однако к середине XVIII в. в силу малой эффективности этих идей на практике в философии

² Марк Раев замечает, что «*vita activa* полностью заменила пассивный аскетический идеал, связанный с *vita contemplativa* в качестве наиболее совершенной, приносящей наилучшие результаты формы христианского образа жизни» [Раев, с. 53].

³ Петр Алексеевич принял 22 октября (2 ноября) 1721 г. титул «Великого отца Отечества, императора Всероссийского».

Дэвида Юма («Исследование о принципах морали», 1751) уже отчетливо оформляется идея «морального долга», где «божественное» оказывается вне контекста.

В русском проповедническом искусстве «переходного» XVII в. переживает свой расцвет жанр проповеди, объединяющий профанный и сакральный миры [Еремин]. Это свидетельствовало о новом представлении деятельного участия человека в формировании социальной жизни. Фиксируется процесс «оцерковления» человека, что отражало, с одной стороны, нарастание кризисных явлений, а, с другой, напряженных интеллектуальных поисков духовенства в меняющемся мире [Панченко, с. 104–112]. Человек этого времени, по характеристике М. Плюхановой, «являлся неоднозначным, не равным самому себе, выявляя в себе сакральную ипостась... Еще погруженный в старые представления, но уже лишенный стабилизирующих основ древнерусской жизни, десоциализированный, смятенный человек мог понять себя лишь как величину сакральную и, чтобы обрести равновесие, перемещал себя из обыденной жизни в сакральный мир» [Плюханова, с. 184].

Публикация поучений в книге «Евангелие учительное» с одобрения патриарха в 1629 г. была непосредственно связана с рефлексией русской общественности «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого [Якшин, с. 11–12]. Сочинение ректора Киево-Могилянской академии Гизеля «Мир с Богом человеку» (1669) было нацелено на примирение «веры православной со “здравым разумом”». В центре внимания сочинения Гизеля – понятие закона (закона Божьего, закона церковного и гражданского, закона естественного) и их соотношение [Лаппо-Данилевский, с. 81–85]. Пафос поучения с национальной спецификой разрабатывается в сочинениях Симеона Полоцкого «Обед душевный», «Вечеря душевная» (1681, 1683). В этом ряду стоят такие выдающиеся проповедники рубежа XVII–XVIII вв., как Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович и др.

В свете распространения книгопечатания письменное/печатное слово начинает конкурировать с устным словом. В этой новой культуре письма информация передается иначе: не от человека к человеку, а через «посредников» – напечатанный текст. Встает вопрос о том, какой была референтная среда идей, продуцировавшихся интеллектуалами в текстах. Осознавая всю дискуссионность и релевантность имеющихся в исторической литературе данных, определимся с общим порядком грамотности населения России и Англии на рубеже XVII–XVIII вв. В России этот процент окажется ничтожно малым, Б. Н. Миронов указывает цифру не более 3 % [Миронов, с. 363], что свидетельствует о преобладании в «бунташном» русском веке устной традиции слова. Дворянское сословие составляло около 1 % грамотного населения России [Миронов, с. 89; Идеал воспитания, с. 9–19]. Остальные 2 % грамотного населения практически всецело соотно-

сятся со священнической средой. Налицо сосуществование культуры слова (прежде всего проповеднического искусства) и нарождающейся культуры письма и печатного слова.

В отношении грамотного населения Англии на рубеже XVII–XVIII в. фигурирует цифра примерно 30 % населения королевства, и такая пропорция будет сохраняться на протяжении всего XVIII в. [Cressy; Graff]. Более 2/3 от общей численности населения королевства оставались неграмотными и соотносились с традицией устного слова. В книге «Мир, который мы потеряли» П. Ласлетт пишет: «мы должны призвать, реконструировать, сделать нашей реальностью время, когда большинство мужчин и еще больше женщин могли только думать, говорить, петь, играть, возделывать землю, пасти животных, растить детей, вести дом, прясть шерсть и изготавливать такие вещи как бочки, плуги или ветряные мельницы, в то время как только некоторые из них могли читать и писать... критиковать и рассказывать другим, что есть суть вопроса и что с этим делать. До недавнего времени история действительно была буквально историей... людей, которые смогли оставить после себя письменные источники. Что теперь нужно сделать, так это понять, о чем может говорить наблюдение за этой зафиксированной письменно деятельностью общества, большая часть жизни которого была устной, и прежде всего попытаться понять, каким образом эта неграмотная масса... затрагивала немногих грамотных и, таким образом, участвовала, учитывалась в общественном развитии, и особенно в политическом процессе» [Laslett, p. 233]⁴.

Таким образом, тезис о «двух культурах» – культуре слова и культуре письма – вполне применим и к Британии рубежа XVII–XVIII вв., где подавляющее большинство населения были привержены культуре устной традиции. Известный английский историк Э. П. Томпсон, занимавшийся вопросами происхождения рабочего класса в Англии на рубеже XVIII–XIX вв., тесно связывал историю этой социальной страты с умонастроениями крестьянства. Он описывает «жизненный мир» английских рабочих (совсем недавно проживавших в сельской местности) в «холистских метафорах» взаимопомощи, соседства, солидарности и т. д. и дает безжалостную оценку английской действительности эпохи «промышленной революции» как «патрицианскому обществу и плебейской культуре» [Томпсон].

Таким образом, сравнительно небольшая группа населения, обращаясь к идеям интеллектуалов, сумела использовать их в модернизационных процессах и реализовать человеческий и экономический потенциал страны и расширявшихся подвластных имперских территорий. Новое рационалистическое сознание утверждало дух индивидуализма. Как отметил Макс Вебер: «возрастающая интеллектуализация и рационализация не означают роста знаний о жизнен-

⁴ Здесь и далее перевод цитат В. Высоковой.

ных условиях, в каких приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать... всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета» [Вебер].

В этот «расколдованный мир», как заметил М. Вебер, плохо помещалась человеческая душа. Значимыми в рассматриваемом контексте остаются слова П. Ласлетта, сказанные еще в 1965 г.: «различие в социальном устройстве приводит к очевидной неизбежности рассматривать английское общество не только само по себе, но и вместе с французским, немецким, испанским, голландским, итальянским, скандинавским обществами в качестве одного из вариантов западноевропейской модели. Но даже это не может быть достаточным по широте охвата. Русское и восточноевропейское общества, а также азиатское, африканское и латиноамериканское общества также имеют отношение к пониманию нас самих, если контраст – это то, в чем мы для этого нуждаемся» [Laslett, p. 277].

В конце жизни в 2000 г. в предисловии к четвертому переизданию этой книги, размышляя о ситуации в современной Англии, Ласлетт напишет: «то, что мы потеряли, это больше, чем просто сущность социального порядка; мы также потеряли его структурный характер – его целостность (*англ.* holistic attribute). Это то, что исчезло в начале восемнадцатого века» [Ibid., p. IX, XII].

Проведенный нами сопоставительный анализ показал, что при всей специфике национально-государственного развития наблюдается сходство двух культур в процессах формирования «нового политического порядка», а также в тенденциях имперского развития и в его тесной связи с накоплением естественнонаучного знания. При этом и в Британии, и в России подавляющая часть населения в XVII–XVIII вв. пребывала в рамках традиции устного слова и христианского канона. Церковная гомилетика и риторика как основные инструменты воздействия интеллектуалов на власть и общество в России на рубеже XVII–XVIII вв. были вытеснены модернизационной программой преобразований Петра Великого на периферию интеллектуального дискурса, а канон индивидуалистической морали в Британии привел к победе либерализма как идейно-политической доктрины и позволил стране достичь выдающихся экономических успехов в XIX столетии. Сохранявшаяся духовность русской культуры и преобладание коллективистских форм «социального действия» в ее истории выступают ключевыми паттернами цивилизационного развития России в сравнении с ценностями «либеральной демократии» и «издержками» сциентистской «культуры разума». Это проявилось в своеобразии духовного наследия русской культуры, высоко оценивавшейся в последующие времена.

Список литературы

Аракчеев В. А. Проблемы исследования фискально-милитаризованного государства в современной историографии (З. В. Дмитриева, С. А. Козлов. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб., 2020) // Новая и новейшая история. 2022. № 2. С. 200–205. DOI 10.31857/S013038640015059-2.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Гуманитарный портал : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (дата обращения: 20.11.2022).

Высокова В. В., Дергачева А. А. Даниэль Дефо о безнравственном разговоре и неподобающем поведении // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 275–312.

Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2008. 528 с.

Гуревич А. Я. Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации // *Одиссей. Человек в истории*. М. : Наука, 2006. С. 11–49.

Дастон Л. О ценности коллективной работы и исследования практик : интервью // *Логос*. 2020. № 2. С. 1–12. DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-1-12.

Еремин И. П. Ораторская проза второй половины XVII века // *История русской литературы* : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. Т. 2. С. 363–367.

Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 496 с.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс-Традиция, 2011. 472 с.

Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 2011. 155 с.

Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6, № 1. С. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.

«Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общ. ред. Л. П. Репиной. М. : Аквилон, 2022. 1080 с.

Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Логос*. 2012. № 1 (85). С. 14–79.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1990. 293 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 583 с.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 202 с.

Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // *Художественный язык Средневековья*. М. : Наука, 1982. С. 184–200.

Попович А. И. Диктат власти и путь к личному выбору: идея жертвы за веру в России раннего Нового времени // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 168–181. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.007.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // *Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Самар. ун-т, 2000. С. 48–79.

Редин Д. А. Очарование «регулярства»: еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого // *Диалог со временем*. 2020. Вып. 73. С. 49–60. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.037.

Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2011. 690 с.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.

Соболева Л. С. Литературные памятники Строгановского региона (XVII–XVIII вв.). «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М. : Языки славян. культуры, 2012. 608 с.

Стогова А. В. Фигура моралиста в английской культуре XVII в. // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 10. Сер.: Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2019. С. 67–75.

Томпсон Э. П. Плебейская культура и моральная экономика : Статьи из английской социальной истории XVII–XIX вв. // История ментальностей. Историческая антропология : Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М. : РГГУ, 1996. С. 180–197.

Шутицына Ю. С. Имперская ботаника: современные подходы к изучению науки и власти в XVIII в. // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 218–228.

Шпак Г. В. Картографирование пространства как форма конструирования государственной идентичности (на примере Англии второй половины XVI в.) // *Imagines mundi* : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 11. Сер.: Интеллектуальная история. Вып. 5. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2021. С. 56–75.

Якиши И. В. Литературная история «Евангелия Учительного» : (рукописная традиция конца XIV – XVII в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2012. 32 с.

Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. 3rd Ed. L. : Sage, 2008. 525 p.

Bennett T. Culture: A Reformer's Science. L. ; Thousand Oaks, Calif. : Sage, 1998. 262 p.

Caldwell M. Skepticism and Belief in Early Modern England: The Reformation of Moral Value. L. : Routledge, 2016. 262 p.

Cressy D. Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1980. 260 p.

Darwall S. The British Moralists and the Internal "Ought", 1640–1740. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 352 p.

The Enlightenment in National Context / ed. by R. S. Porter, M. Teich. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. 278 p.

Graff H. Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography. N. Y. : Garland Publ., 1981. 422 p.

Heckscher E. Mercantilism. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1991. 222 p.

Karrow R. W., Jr. Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution : Diss. Chicago, Illinois : [S. n.], 1999. 240 p.

Kenyon J. Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 248 p.

Laslett P. The World We Have Lost: England Before the Industrial Age. L. : Taylor & Francis e-Library, 2001. 349 p.

Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Harvard : Harvard Univ. Press, 1987. 288 p.

Marchart O. Cultural Studies. Konstanz : UVK Verlagsgesellschaft, 2008. 277 p.

Mayers K. The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient. Leicester : Troubador Publ., 2016. 366 p.

Mund S. The Discovery of Muscovite Russia in Tudor England // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 2008. T. 86, f. 2. P. 351–373.

Revisions in Mercantilism / ed. by D. C. Coleman. L. : Methuen and Co, 1969. 213 p.

Sherman W. H. John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. Amherst : Univ. of Massachusetts Press, 1995. 280 p.

Stuart-Buttle T. From Moral Theology to Moral Philosophy: Cicero and Visions of Humanity from Locke to Hume. Oxford : Oxford Univ. Press, 2019. 288 p.

Taylor S. State Formation, Political Stability and the Revolution of 1688 // The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–1691 in Their British, Atlantic and European Contexts / ed. by T. Harris, S. Taylor. [S. l.] : Boydell Press, 2013. 336 p.

Young B. W. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England – Theological Debate from Locke to Burke. Oxford : Clarendon Press, 1998. 259 p.

References

- Arakcheev, V. A. (2022). Problemy issledovaniya fiskal'no-militarizovannogo gosudarstva v sovremennoi istoriografii (Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. Nalogi i voiny v Rossii XVI–XVIII vv. SPb., 2020) [Problems of the Study of the Fiscal-Militarized State in Modern Historiography (Z. V. Dmitrieva, S. A. Kozlov. Taxes and Wars in Russia in the 16th–18th Centuries. St Petersburg, 2020)]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 2, pp. 200–205. DOI 10.31857/S013038640015059-2.
- Barker, C. (2008). *Cultural Studies: Theory and Practice*. 3rd Ed. L., Sage. 525 p.
- Bennett, T. (1998). *Culture: A Reformer's Science*. L., Thousand Oaks, Calif., Sage. 262 p.
- Caldwell, M. (2016). *Skepticism and Belief in Early Modern England: The Reformation of Moral Value*. L., Routledge. 262 p.
- Coleman, D. C. (Ed.). (1969). *Revisions in Mercantilism*. L., Methuen and Co. 213 p.
- Cressy, D. (1980). *Literacy and the Social Order: Reading and Writing in Tudor and Stuart England*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 260 p.
- Darwall, S. (1995). *The British Moralists and the Internal "Ought", 1640–1740*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 352 p.
- Daston, L. (2020). O tsnosti kollektivnoi raboty i issledovaniya praktik. Interv'yu [On the Value of Teamwork and Researching Practices. Interview]. In *Logos*. No. 2, pp. 1–12. DOI 10.22394/0869-5377-2020-2-1-12.
- Eremin, I. P. (1941). Oratorskaya proza vtoroi poloviny XVII veka [Oratorical Prose of the Second Half of the 17th Century]. In *Istoriya russkoi literatury v 10 t*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2, pp. 363–367.
- Graff, H. (1981). *Literacy in History: An Interdisciplinary Research Bibliography*. N. Y., Garland Publ. 422 p.
- Grinfel'd, L. (2008). *Natsionalizm. Pyat' putei k sovremennosti* [Nationalism. Five Paths to Modernity] Moscow, PER SE. 528 p.
- Gurevich, A. Ya. (2006). Feodalizm pered sudom istorikov, ili o srednevekovoi krest'yanskoi tsivilizatsii [Feudalism before the Court of Historians, or On Medieval Peasant Civilization]. In *Odissei. Chelovek v istorii*. Moscow, Nauka, pp. 11–49.
- Heckscher, E. (1991). *Mercantilism*. Cambridge, Mass, MIT Press. 222 p.
- Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka* [The Ideal of Educating the Nobility in Europe: 17th–19th Centuries]. (2018). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 496 p.
- Karrow, R. W., Jr. (1999). *Intellectual Foundations of the Cartographic Revolution*. Diss. Chicago, Illinois, S. n. 240 p.
- Kenyon, J. (1977). *Revolution Principles. The Politics of Party. 1689–1720*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 248 p.
- Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [Intellectual Choice of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: From Old Russian Booklore to European Scholarship]. Moscow, Progress-Traditsiya. 472 p.
- Korzo, M. A. (2011). *Navstvvennoe bogoslovie Simeona Polotskogo: osvoenie katolicheskoi traditsii moskovskimi knizhnikami vtoroi poloviny XVII veka* [The Moral Theology of Simeon of Polotsk: The Assimilation of the Catholic Tradition by Moscow Scribes of the Second Half of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 155 p.
- Kosheleva, O. (2018). Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya Rossii predpetrovskogo vremeni: novye aspekty [Contemporary Russian Historiography on the Pre-Petrine Era: New Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 6. No. 1, pp. 269–289. DOI 10.15826/qr.2018.1.295.
- Kurennoi, V. (2012). Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovaniy [Research and Political Programme of Cultural Studies]. In *Logos*. No. 1 (85), pp. 14–79.

Lappo-Danilevskii, A. S. (1990). *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli i kul'tury XVII–XVIII vv.* [History of Russian Social Thought and Culture of the 17th–18th Centuries]. Moscow, Nauka. 293 p.

Laslett, R. (2001). *The World We Have Lost: England Before the Industrial Age*. L., Taylor & Francis e-Library. 349 p.

Latour, B. (1987). *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. Harvard, Harvard Univ. Press. 288 p.

Marchart, O. (2008). *Cultural Studies*. Konstanz, UVK Verlagsgesellschaft. 277 p.

Mayers, K. (2016). *The First English Explorer: The Life of Anthony Jenkinson (1529–1611) and His Adventures on the Route to the Orient*. Leicester, Troubador Publ. 366 p.

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii v 2 t.* [Social History of Russia. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitri Bulanin. Vol. 1. 583 p.

Mund, S. (2008). The Discovery of Muscovite Russia in Tudor England. In *Revue belge de philologie et d'histoire*. T. 86. F. 2, pp. 351–373.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Petrine Reforms]. Leningrad, Nauka. 202 p.

Plyukhanova, M. B. (1982). O nekotorykh chertakh lichnostnogo soznaniya v Rossii XVII v. [On Some Features of Personal Consciousness in 17th-Century Russia]. In *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya*. Moscow, Nauka, pp. 184–200.

Popovich, A. I. (2020). Diktat vlasti i put' k lichnomu vyboru: ideya zhertvy za veru v Rossii rannego novogo vremeni [The Dictate of Power and the Path to Individual Choice: The Idea of Sacrifice for Faith in Early Modern Russia]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 73, pp. 168–181. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.007.

Porter, R. S., Teich, M. (Eds.). (1981). *The Enlightenment in National Context*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 278 p.

Raev, M. (2000). Regul'yarnoe politseiskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k probleme [The Regular Police State and the Concept of Modernism in 17th–18th Centuries Europe: An Attempt at the Comparative Approach to the Problem]. In David-Fox, M. (Ed.). *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period. Antologiya*. Samara, Samarskii universitet, pp. 48–79.

Redin, D. A. (2020). Ocharovanie “regulyarstva” eshche raz o “mental'nom gosudarstve” Petra Velikogo [The Charm of “Regularity”: Once again about the “Mental State” of Peter the Great. Part 1. Peter I: Intelligence and the Psychology of Thinking]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 73, pp. 49–60. DOI 10.21267/AQUILO.2020.73.73.037.

Remezov, S. U. (2011). *Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri Semena Ul'yanovicha Remezova* [Chorographic Drawing Book of Siberia by Semyon Ulyanovich Remezov]. Tobolsk, Fond “Vozrozhdenie Tobol'ska”. 690 p.

Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow, Krug”. 560 p.

Repina, L. P. (Ed.). (2022). “Kul'tura dukha” vs “Kul'tura razuma”: intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh [“Culture of the Spirit” vs “Culture of the Reason”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Akvilon. 1080 p.

Sherman, W. H. (1995). *John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance*. Amherst, Univ. of Massachusetts Press. 280 p.

Shipitsyna, Yu. S. (2021). Imperskaya botanika: sovremennyye podkhody k izucheniyu nauki i vlasti v XVIII v. [Imperial Botany: Modern Approaches to the Study of Science and Power in the 18th Century]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 218–228.

Shpak, G. V. (2021). Kartografirovanie prostranstva kak forma konstruirovaniya gosudarstvennoi identichnosti (na primere Anglii vtoroi poloviny XVI v.) [Mapping of Space as a Form of Constructing a State Identity (with Reference to England in the

Second Half of the 16th Century]). In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 56–75.

Soboleva, L. S. (2012). Literaturnye pamyatniki Stroganovskogo regiona (XVII–XVIII vv.). “Statir” [Literary Monuments of Stroganov Region (17th–18th Centuries). *Statyr*]. In *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 608 p.

Stogova, A. V. (2019). Figura moralista v angliiskoi kul'ture XVII v. [The Figure of a Moralism in 17th-Century English Culture]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 10. Seriya: Al'bionika. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 67–75.

Stuart-Buttle, T. (2019). *From Moral Theology to Moral Philosophy: Cicero and Visions of Humanity from Locke to Hume*. Oxford, Oxford Univ. Press. 288 p.

Taylor, S. (2013). State Formation, Political Stability, and the Revolution of 1688. In Harris, T., Taylor, S. (Eds.). *The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–1691 in Their British, Atlantic and European Contexts*. S. l., Boydell Press. 336 p.

Thompson, E. P. (1996). Plebeiskaya kul'tura i moral'naya ekonomika. Stat'i iz angliiskoi sotsial'noi istorii XVII–XIX vv. [Plebeian Culture and Moral Economics. Articles from English Social History of the 17th–19th Centuries]. In *Istoriya mental'noy. Istoricheskaya antropologiya. Zarubezhnye issledovaniya v obzorakh i referatakh*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 180–197.

Vysokova, V. V., Dergacheva, A. A. (2021). Daniel' Defo o beznravstvennom razgovore i nepodobayushchem povedenii [Daniel Defoe on the Immorality of Conversation and Vulgar Errors of Behaviour]. In *Imagines mundi. Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX vv.* No. 11. Seriya: Intellektual'naya istoriya. Iss. 5. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 275–312.

Weber, M. (N. d.). Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a Vocation and Profession]. In *Gumanitarnyi portal* [website]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5372> (accessed: 20.11.2022).

Yakshin, I. V. (2012). *Literaturnaya istoriya “Evangeliiya Uchitel'nogo”*. (Rukopisnaya traditsiya kontsa XIV – XVII v.) [Literary History of the Didactic Gospel. (The Handwritten Tradition of the Late 14th – 17th Centuries)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yekaterinburg, S. n. 32 p.

Young, B. W. (1998). *Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England – Theological Debate from Locke to Burke*. Oxford, Clarendon Press. 259 p.

The article was submitted on 02.08.2022